

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Т11

Т11 Труды членов Российской духовной миссии в Пекине: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-519-83878-8

ISBN 978-5-519-83878-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАЧАЛО И ПЕРВЫЯ ДѢЛА МАНЬЧЖУРСКАГО ДОМА.

Исторія *маньчжурскаго дома*, двѣсти лѣтъ владычествующаго въ Китаѣ, начинается не ранѣе XVII столѣтія, и именно 1616 года, когда *Тай-цзу*, уже усвоившій себѣ понятія и правила китайскаго двора, принялъ титулъ *Хана*, далъ названіе своему правленію, одѣлся въ желтое платье и, какъ повелитель поднебесной, говорилъ о себѣ: *чжэнь* мы. Тогда были положены твердыя основанія новому государству и первыя сѣмена тѣхъ великихъ событій, которыя возникли и развились съ необыкновенною быстротою и неисчислимыми слѣдствіями для народовъ восточной Азіи. Различныя племена, обитавшія отъ *Ляо-дуна* до береговъ *Амура*, мало по малу соединились подъ вліяніемъ одной державной власти и общаго законодательства; двинутыя смѣлою и могущественною рукою великаго основателя на поприще гражданственной и политической жизни, онѣ, съ живостію свѣжаго и предприимчиваго народа, вступили въ кругъ новой для нихъ дѣятельности и восторжествовали надъ трудностями, которыми сопровождается рѣзкій переходъ отъ дикой независимости къ общественному порядку и гражданственности. Измѣненіе племенами древней своей жизни положило начало существованію *маньчжурскаго народа*; появленіе собственнаго письма и письменности послужило основаніемъ первымъ историческимъ памятникамъ *маньчжурскаго государства*.

Впрочемъ народъ, сдѣлавшійся съ началомъ семнадцатаго столѣтія извѣстнымъ подъ именемъ маньчжуровъ, не былъ позднимъ и невѣдомымъ пришлецомъ въ историческомъ мірѣ.

Земли, лежація на сѣверо-востокъ отъ нынѣшней заставы *Шанхай-гуань*, уже съ незапамятныхъ временъ были извѣстны Китаю. Давно въ немъ господствовала мысль, что горные хребты, наполняющіе собою сѣверо-западные предѣлы сей имперіи, оканчиваются въ

островахъ и дикихъ скалахъ береговъ Восточнаго океана; что на востокъ отъ Китая—отечество великихъ государственныхъ людей. Богдыханъ (императоръ) *Сюань-юань*—лицо, принадлежащее еще къ доисторическому міру, по мифическимъ преданіямъ Китая, происходилъ изъ *Ляо*, южной части Маньчжуріи. Если имѣть точную вѣру къ свидѣтельству самой первой китайской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ *Шу-цзинъ*, то мѣста, прилегающія къ *Мукдэну*, древней столицѣ нынѣшней династіи, были границами *Ю-чжоу* и *Инъ-чжоу*, учрежденныхъ еще государемъ *Шунь*, лицомъ тоже полуисторическимъ. Съ умноженіемъ народонаселенія, Китайская Имперія постепенно распространяясь къ востоку, во времена династіи *Чжоу*, вступила въ дѣйствительныя и уже несомнѣнныя отношенія къ маньчжурскимъ племенамъ; особенно водвореніе въ *Корей* китайской власти и образованности должно было имѣть сильное вліяніе и на обитателей *Гурина*, соединенныхъ съ *Чо-слинь*—Кореею связями самого близкаго сосѣдства. Чѣмъ болѣе приближаемся къ позднѣйшимъ временамъ, тѣмъ яснѣе и подробнѣе становятся сказанія Китая о странахъ, лежавшихъ на сѣверо-востокъ отъ Великой Стѣны. И, наконецъ, послѣ смѣнившихся одна за другою династій *Ляо* и *Гинь*, изъ которыхъ первая возникла при берегахъ *Амура*, а вторая въ лѣсахъ *Гурина*, свѣдѣнія о внутреннихъ мѣстахъ и дальнихъ границахъ Маньчжуріи въ первый разъ получили опредѣленность, истину и полноту.

Племена, населявшія эту обширную страну, по своей физиономіи и организаціи, принадлежатъ къ тому многочисленному отдѣлу человечества, къ которому относятся почти всѣ народы сѣверо-восточной Азіи и который у физиологовъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ *монгольскаго покровія*. По родовымъ чертамъ характера, привычекъ, вѣрованій, образа жизни и по сходству языка, они составляютъ одно обширное семейство съ различными *тунгусскими племенами*, разсѣянными на необозримомъ пространствѣ земли отъ слиянія *Аргуни* съ *Шилкою*—до устьевъ *Лены*, отъ *Байкала* и *Енисея*—до береговъ *Охотскаго* моря. По частной генеалогіи, единству историческихъ преданій и свидѣтельствъ, по очевидному и несомнѣнному преемничеству въ жизни и народномъ развитіи, большее число племенъ, соединившихся нынѣ подъ общимъ именемъ *маньчжуровъ*,

принадлежить къ одному древнему поколѣнію *сушэнь*. Встрѣчающіяся въ китайской исторіи имена *восточныхъ варваровъ*: *илоу*, *уцзи*, *мохэ*, *бохай* и *нюйчжень*—были названіями могущественнѣйшихъ племенъ одного и того же *сушэньскаго народа*, вслѣдствіе внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ раздѣлившагося на частныя поколѣнія, которыя, въ свою очередь, опять дробились на новыя подраздѣленія и дѣлались основателями новыхъ родовъ. Частныя поколѣнія, усилившись въ могущество, подчиняли своей власти прочихъ родовичей и сообщали имъ свои названія; въ этомъ обстоятельствѣ скрывается причина, почему въ Маньчжуріи постоянно возникали какъ будто новые, прежде не бывавшіе народы и аймаки, и почему въ исторіи рано исчезло имя: *сушэнь*.

Китай, несмотря на глубокую древность своей исторіи, въ которой сохранилъ для насъ драгоцѣнныя сказанія о сопредѣльныхъ съ нимъ государствахъ и владѣніяхъ, и на раннія отношенія къ Маньчжуріи, не говоритъ ни слова о какомъ-нибудь общемъ переселеніи тамошнихъ племенъ. При самомъ первомъ знакомствѣ съ этою страной онъ уже встрѣтилъ здѣсь *сушэней* и назвалъ ихъ *туземцами востока*. Но взгляды на положеніе племенъ, которыя являются предъ нами на самыхъ крайнихъ предѣлахъ древняго міра, среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ горъ, съ одной стороны—окруженныя моремъ (последнюю преградой для переселенія народовъ, еще невозвысившихся до искусства господствовать надъ опасною стихіей); а съ другой—стѣсненные огромною массою непріязненныхъ *монгольскихъ* поколѣній и чрезвычайнымъ народонаселеніемъ Китая, постоянно стремившагося глубже проникнуть во внутренность чуждой страны: сей взглядъ естественно рождаетъ мысль о какой-то отдаленной и незапамятной эпохѣ, когда племена, гонимыя силою могущественныхъ враговъ, покинули свое древнее отечество и пришли искать себѣ убѣжища на берегу Восточнаго океана.

Гдѣ была первоначальная родина бѣглецовъ? Какимъ путемъ они достигли настоящихъ своихъ жилищъ?—вопросы, на которые можно отвѣчать не историческими прямыми свидѣтельствами, но вѣроятными предположеніями.

Нигдѣ *тунгусскія* племена не достигали такого высокаго политическаго значенія, народной образованности и численнаго мо-

гущества, какъ въ лѣсахъ и горахъ нынѣшней Маньчжуріи, гдѣ до сихъ поръ потомки *сунэней* составляютъ господствующее народонаселеніе, которое, несмотря на различные перевороты въ своей жизни, сохранило національную независимость, древній языкъ, вѣрованія и нравы. Развалины городовъ, исторія домовъ *Бохай, Гинь* и нынѣ царствующей династіи, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ нашихъ словъ. Чѣмъ далѣе на сѣверъ отъ вершинъ *Амура*, тѣмъ слабѣе становятся признаки *тунгусской* жизни. Племена утрачиваютъ свою многочисленность и самостоятельность; раздѣлены между собою неизмѣримымъ пространствомъ и чуждыми народами, среди которыхъ постепенно теряютъ чистоту своего языка и родовыя черты національнаго характера; никакихъ историческихъ свидѣтельствъ и древнихъ памятниковъ, которые хотя неясно говорили бы намъ, что въ Сибири нѣкогда процвѣтали могущественныя тунгусскія владѣнія и царства, какъ то было въ Маньчжуріи. Среди различныхъ насыпей и кургановъ, встрѣчающихся на протяженіи отъ устьевъ Волги до вершинъ *Амура, даурскія могилы*, по своей бѣдности и малочисленности, занимаютъ самое послѣднее мѣсто: доказательство, что здѣшнія племена никогда не достигали значительности и богатства.

Такое рѣзкое различіе въ положеніи одного и того же народа, по двумъ сторонамъ Яблонноваго хребта, даетъ намъ право вывести слѣдующія заключенія: что средоточіемъ тунгусскихъ поколѣній была страна, заключающаяся въ предѣлахъ горы Чанъ-бошани (т. е. *длинная, бѣлая гора*—въ Маньчжуріи); что тунгусы, обитающіе въ Сибири, —только разновременныя колоніи маньчжурскихъ племенъ, постепенно распространявшихся въ мѣстахъ нынѣшней Дауріи и что, слѣд, самое древнее и первоначальное поколѣніе достигло лѣсовъ *Гурина не сѣвернымъ путемъ*. Еще менѣе можно думать, чтобы оно пришло съ сѣверо-западныхъ предѣловъ Китая; потому что имперія сія въ первый разъ вошла въ соприкосновеніе съ маньчжурскими племенами только на берегахъ *Ляо*. Такимъ образомъ, пустынные степи Монголіи, всегда бывшія обширнымъ поприщемъ для странствующихъ народовъ, представляются единственнымъ путемъ, которымъ Тунгусы достигли береговъ *Сунтари-улы* и *Хунь-тунг-цзяна*. Переселеніе это должно относиться къ весьма древнимъ временамъ, даже до полнаго завладѣнія монголами *Гобійскою* степью; иначе переходъ цѣ-

лаго народа, чрезъ земли чуждыхъ и воинственныхъ поколѣній, не могъ не сопровождаться кровавою борьбою, слѣдствія которой отразились бы въ жизни и лѣтописяхъ Китайской Имперіи, постоянно чувствовавшей ужасныя потрясенія отъ подобныхъ переворотовъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что восточные монголы, извѣстные въ китайской исторіи подъ общимъ именемъ *дунъ-ху*, представляются въ самыхъ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ поколѣніями тунгусскаго происхожденія. Фактъ сей, утверждающійся на подлинныхъ свидѣтельствахъ древнихъ лѣтописцевъ, самымъ положительнымъ образомъ указываетъ на смѣшеніе двухъ народовъ, происшедшее отъ того, что одинъ изъ нихъ водворился въ жилищахъ другого. Если представимъ себѣ, что племена, соединившіяся пынѣ подъ родовымъ названіемъ монголовъ, первоначально возникаютъ на сѣверо-западныхъ предѣлахъ песчаной степи называемой *Шамо* при границахъ *Ху-хэнора* и подошвѣ *Алтая*; что они постепенно и побѣдоносно распространяются къ югу и востоку; то само собою возникаетъ и утверждается мнѣніе, что часть обширныхъ равнинъ нынѣшней Монголіи нѣкогда была занята тунгусскими поколѣніями, изъ которыхъ, съ появленіемъ новыхъ могущественныхъ племенъ,—одни удалились въ лѣса и горы Маньчжуріи, другія смѣшались съ своими побѣдителями, въ послѣдствіи времени образовавши съ ними родственное цѣлое, получившее, впрочемъ, отъ сліянія двухъ различныхъ элементовъ нѣкоторые особенные оттѣнки. Такимъ воззрѣніемъ легко объясняется чрезвычайное тождество словъ въ языкѣ того и другого народа; рѣшается загадочное полумонгольское и тунгусское происхожденіе династіи *Ляо*, нынѣшнихъ *солоновъ* и *дауровъ*. Исторія представляетъ множество примѣровъ подобныхъ превращеній. Сами маньчжуры, на южныхъ границахъ своихъ часто терявшіе національный характеръ подъ вліяніемъ Китая и Кореи, служатъ разительнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ наше мнѣніе. Взглядъ на физическія свойства Монголіи и Маньчжуріи можетъ объяснить, какъ легко и безъ сожалѣнія должны были тунгусскія племена промѣнять пустынные равнины на дремучіе лѣса и неприступныя горы страны, обѣщавшей имъ богатые средства для сохраненія жизни и независимости;—между тѣмъ глубокая древность этого, вѣроятно, перваго движенія народовъ средней Азіи была причиною, что Китай, въ весь-

ма раннія времена встрѣтившій *суиэнэй* уже по ту сторону рѣки *Ляо*, назвалъ ихъ туземцами Маньчжурін.

Что касается до Маньчжурскихъ нравовъ и быта, то они неуклонно слѣдовали за развитіемъ самаго народа, и въ этомъ отношеніи образуютъ одну непрерывную лѣствицу постепеннаго усовершенствованія и возвышенія.

Древній маньчжуръ, подобно скиоамъ, готоамъ и хуннамъ, съ самаго младенчества своего учился одному искусству—владѣть кономъ и тугимъ лукомъ. Стрѣла, окрыленная орлинымъ перомъ, съ наконечникомъ, сдѣланнымъ изъ остраго и твердаго камня, была первою драгоцѣнностію дикаря, которую онъ освящалъ молитвами къ духамъ и представлялъ въ дань Китаю, какъ самое лучшее сокровище. Сила и мѣткость стрѣлка, на значительномъ разстояніи, дѣлали это слабое орудіе смертельнымъ; а жестокій ядъ, покрывавшій остріе наносилъ неизбѣжную гибель при самой легкой ранѣ. Спасая независимость, или гонясь за добычею, маньчжуръ не дорожилъ своею жизнію; препятствія пути, далекое разстояніе, множество враговъ, не могли положить предѣловъ его дерзости и мщенію. Сосѣдственныя владѣнія, нерѣдко испытывавшія грозную силу маньчжурскаго лука, страшились народа, болѣе дорожившаго мужествомъ и отвагой, чѣмъ челоуѣколюбіемъ и который съ суровою жизнію соединялъ и суровый характеръ, непреклонявшійся предъ самыми священными чувствами. Стариковъ мало уважали и слеза, пролитая въ память родителей, считалась слабостію не только для мужчины, но и для женщины. Всѣ почести, которыя Маньчжуры воздавали праху усопшихъ, состояли въ томъ, что тѣла ихъ они зарывали съ нѣсколькими, приносимыми въ жертву умершему, свиньями, въ могилу, надъ которой строили деревянный навѣсъ, для защиты покойниковъ отъ дождя. Самый бракъ, занимающій важное мѣсто въ обрядахъ всѣхъ народовъ, совершался безъ многочисленныхъ церемоній. Воткнуть пучекъ разноцвѣтныхъ перьевъ въ косу дѣвицы—значило избрать ее въ невѣстѣ; прикоснуться рукою къ персямъ ся—служило неоспоримымъ доказательствомъ заключеннаго брака. За бѣдный калымъ, каждый отецъ съ удовольствіемъ предавалъ свою дочь въ руки неограниченнаго супруга, для котораго слова жена и раба имѣли почти одинаковый смыслъ. Вся тяжесть домашнихъ занятій

была нераздѣлимою долею женщины, погибавшей отъ руки своего мужа при первой молвѣ, опозорившей ея доброе имя. Часто дѣлался жертвою супружескаго мщенія и тотъ, кто осмѣлился произнести роковое слово о чести семейства. Никто не являлся мстителемъ за пролитую кровь. Люди, не знавшіе ни письменъ, ни положительныхъ законовъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами предковъ и минутными впечатлѣніями, безусловно вѣрили непогрѣшимости самовластнаго суда, какъ predeterminedію неба.

При такомъ огрубѣніи умственныхъ и нравственныхъ силъ, и внѣшній быть маньчжуровъ долженъ былъ представлять самую печальную картину. Для человѣка, у котораго радость облекалась въ грозную форму, пѣснь была—звукомъ войны, пляска—подобіемъ битвы; для него не существовало мирныхъ наслажденій изобильной жизни. Маньчжуръ лучше желалъ искусно подражать крику дикихъ оленей, или съ нѣжной заботливостію воспитывать кречета, чѣмъ думать о благѣ и спокойствіи своего семейства. Зимой—скрывался онъ въ глубокія горныя пещеры, или своими руками дѣлалъ высокую насыпь, на днѣ которой располагалъ свое жилище; нѣсколько лѣстницъ вело во внутренность мрачнаго логовища, куда не проникалъ солнечный лучъ и свѣтъ достигалъ только дымовою трубою. Запахъ сырыхъ кожъ, только что содранныхъ съ убитыхъ звѣрей, чрезвычайная неопрятность въ домашнемъ быту, странная смѣсь обитателей, гдѣ люди и животныя, жившіе вмѣстѣ, дѣлали невыносимую такую подземную жизнь; между тѣмъ маньчжуръ, возвратившись съ утомительной, но счастливою охоты, сладко засыпалъ предъ огнемъ своего очага, или короталъ почти полугодовую ночь зимы за чашей кумыса, въ живой бесѣдѣ съ друзьями объ удаляцахъ послѣдней облавы. Только съ наступленіемъ тепла, онъ покидалъ зимнее убѣжище, и ставилъ шалашъ свой на берегу рѣки, или при опушкѣ лѣса, доколѣ, съ концомъ года, холодъ не заставлялъ его возвратиться къ прежнему пепелищу. Маньчжуръ питался сырымъ мясомъ; любилъ пить воду, настоящую золою; зимою, для защиты отъ вѣтровъ, мазалъ свое тѣло свинымъ жиромъ, одѣвался въ звѣриную или рыбью кожу, на головѣ носилъ шапку, украшенную хвостами тигра; а лѣтомъ—небольшой лоскутокъ прикрывалъ наготу дикаря. Нарядъ самыхъ женщинъ состоялъ въ длинномъ платьѣ, сшитомъ изъ грубаго холста.

Таковы общія черты жизни *суиэней, илоу* и даже давнихъ *мохэ*, которые, дикими своими нравами, приближались къ быту прочихъ народовъ, стоявшихъ съ ними на одинаковой степени умственного образованія. Впрочемъ, и въ эти времена глубокаго невѣжества и варварства, частныя свойства страны, щедро надѣленной дарами природы, сообщили племенамъ благотворное направленіе, рѣзко отдѣлившее ихъ отъ кочевыхъ народовъ—и послужившее прочнымъ основаніемъ самобытной исторіи маньчжурь.

Возвышенныя равнины Монголіи, постепенно понижаясь къ востоку, переходятъ въ Маньчжуріи—въ глубокія долины; напротивъ—горы *Хитанскаго* хребта, составившія собою сѣверные предѣлы Китая, по ту сторону рѣки *Ляо* образуютъ изъ себя ужасные хребты, которые, раздѣлившись на множество отраслей, восточныхъ и западныхъ, на сѣверѣ соединяются съ южными вѣтвями *Яблоноваго* хребта. Отъ такого физическаго устройства, Маньчжурія, занимающая собою площадь, въ 67,500 географическихъ кв. миль, представляется обширною альпійскою страной, горы которой отъ подошвы до самой вершины покрыты вѣковыми лѣсами, а долины орошены безчисленнымъ множествомъ рѣкъ и потоковъ, большею частію сливающихся въ одинъ *Амурскій* бассейнъ.

Итакъ, въ Маньчжуріи не могла во всей силѣ развиваться пастушеская—кочевая жизнь, для которой нужны равнины Монголіи, поражающія путешественника своею необозримостію. Суровость климата, зависящая отъ близкаго сосѣдства съ возвышенными пустынями *Шаму*, отъ восточныхъ горъ, преграждающихъ теченіе морскихъ вѣтровъ, и дикости страны, гдѣ малочисленное народонаселеніе не могло еще содѣйствовать къ возвышенію температуры, не благоприятствовали распространенію земледѣлія, такъ давно извѣстнаго въ Китаѣ и Корей. Маньчжурскія племена, естественно, должны были подчиняться могущественному вліянію природы, которая, надѣливши ихъ дремучими лѣсами, полными сокровищъ, далеко превышавшихъ потребности людей, не знавшихъ роскоши и неумѣренныхъ желаній, сама назначала образъ жизни весьма приличный народу, стоявшему на низшей степени образованія. Дѣйствительно, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, до послѣдней эпохи, придавшей такое высокое значеніе Маньчжуріи, всѣ обитатели этой

страны, въ своемъ первобытномъ состояніи, являются простыми звѣроловами, и въ этомъ важномъ обстоятельствѣ скрываются причины многихъ другихъ явленій, ознаменовавшихъ исторію маньчжурскихъ племенъ.

Если пастушеская жизнь, непременно требующая обширныхъ пажитей и постоянной перемѣны мѣстъ, по своимъ кореннымъ условіямъ, противоборствуетъ всякому стремленію къ осѣдлой и общественной жизни, то опасности и труды охотническаго быта, часто превышающія силы и мужество одного человѣка, невольно завязываютъ узлы прочныхъ и необходимыхъ связей. Въ Маньчжуріи, гдѣ непроходимые лѣса занимали собою почти всю поверхность страны; гдѣ горныя пещеры, сокрытыя подъ навѣсомъ вѣковыхъ кедровъ, были вѣрнымъ пристанищемъ тигровъ и барсовъ, охота не могла быть ни дѣломъ произвола, ни простымъ поприщемъ удалства и отваги. Противъ безчисленнаго множества хищныхъ звѣрей должно было вооружиться такое же множество смѣлыхъ противниковъ, которые только совокупною борьбою могли сохранять и поддерживать свое существованіе. Отъ того даже дикіе и грубые *сунэи* и *илуо* стремились къ образованію частныхъ общинъ, связывавшихся между собою узами родства, единствомъ нуждъ и выгодъ. Несмотря на странную форму своихъ жилищъ, они селились многочисленными деревнями, признававшими надъ собою власть одного. Важность предводителя охоты такъ высоко цѣнилась въ глазахъ простыхъ людей, что его особа была неприкосновенна; его достоинство свято хранилось, чрезъ цѣлыя поколѣнія, въ одномъ родѣ. Впрочемъ *сунэи* и *илуо* смотрѣли на жизнь, какъ на одну непрерывную облаву; при такой односторонности быта, власть родовыхъ старшинъ опредѣлялась слишкомъ тѣсными границами. Глава охотниковъ первенствовалъ только во мракѣ лѣсовъ, и люди, составлявшіе покорную дружину его на облавѣ, возвратившись въ свой курень, снимали съ себя узы подчиненности. Горы и рѣки, раздѣлявшія страну на множество мелкихъ участковъ, удаляли столкновеніе племенъ; раздѣленные самою природою, они естественно образовали отдѣльныя общины, имѣвшія свои частныя интересы и жизнь, развивавшуюся совершенно независимо отъ обстоятельствъ, нуждъ и выгодъ цѣлаго поколѣнія. Обиліе средствъ къ удовлетворенію важнѣйшимъ потребно-

стямъ существованія подавляли въ народѣ всякое корыстное или честолюбивое желаніе—силою оружія и храбрости создать для себя могущество и счастье. Каждая изъ сихъ частныхъ причинъ принесла въ жизнь *сунэнь* и *илоу* новую черту, запечатлѣвшую этотъ періодъ особеннымъ характеромъ. Селенія древнихъ маньчжуръ были болѣе военными колоніями, нежели мирными жилищами людей, искавшихъ осядлости. Значеніе старшинъ получило характеръ удѣльныхъ владѣльцевъ, необходимо противившихся соединенію и сліянію частныхъ поколѣній. Воинственный духъ народа былъ простымъ слѣдствіемъ быта и занятій, но не выраженіемъ характера, отъ природы предприимчиваго и властительнаго. Оттого, не смотря на весьма рано пробудившуюся потребность къ утвержденію общественныхъ связей *сунэнь* и *илоу* не могли создать для себя гражданственной жизни; при полномъ сознаніи необходимости подчиниться волѣ самовластнаго правителя, они никогда не соединялись подъ жезломъ общаго вождя; при воинственномъ духѣ, оживлявшемъ всѣ племена, не были народомъ-завоевателемъ, жаждавшимъ добычи и могущества.

Впрочемъ, соединеніе родовъ и поколѣній подъ властію частныхъ старшинъ, и привычка племенъ къ постояннымъ жилищамъ (два великихъ шага на пути народнаго образованія) сдѣлались богатымъ источникомъ важныхъ событій. Охотничей дружинѣ легко было превратиться въ отрядъ воиновъ; люди, съ дѣтства привыкшіе управляться волею своего старшины, уже знакомы были съ первыми началами подчиненности и порядка; непрестанныя облавы, требовавшія совокупнаго и дружнаго дѣйствія, служили первыми опытами общихъ военныхъ движеній. Единство занятій распространило между племенами единство правилъ и постановленій, и такимъ образомъ незамѣтно приготовило элементы общественнаго устройства; внѣшнія нападенія и борьбы заставили частныхъ владѣльцевъ заключить между собою постоянные и сильные союзы. При первомъ обстоятельстве, угрожавшемъ спокойствію и независимости племенъ, старшины поспѣшали къ сборному мѣсту съ своими дружинами и мгновенно являлось цѣлое войско, одушевленное мужествомъ, подчиненное единству устава и власти. Солдаты, по роду вооруженія, дѣлились на сѣкироносцевъ, копійщиковъ и стрѣлковъ; по числу людей—на тысячи, сотни, десятки и пятки. Каждое изъ этихъ под-